

ДЕНИС БУТОВ

Ветеран второй Чеченской войны

Родился в 1975 году в Красноярске, оттуда же в 1996 году ушёл в армию. Летом 1996 года принимал участие в защите Грозного от бандитов. Выходил из Чечни в составе самого последнего подразделения, в новогоднюю ночь 1997 года. Службу закончил в 1998 году в Дагестане. В 2006 году переехал в Москву, работает в сфере информационных технологий, учится на магистра делового администрирования.

ДВА ДНЯ ДО ДЕМБЕЛЯ

— Рота, подъём! Строиться на зарядку, форма два!

Крик дневального разорвал утреннюю тишину. Послышался шорох, грохот чьего-то падения со второго яруса и приглушённые невнятные ругательства. Рота просыпалась. Сначала вскочили молодые — «чекисты». Трое сразу умчались в умывальник набирать в тазики воду и мыть пол в расположении, двое или трое убежали «на территорию» — подметать асфальт рядом со входом в роту, опорожнять урны. Почти одновременно с «чекистами» поднялись и «слоны» — отслужившие по полгода. «Слонам» мыть пол ещё в принципе положено, но только если не хватает молодых. Следом за «чекистами» и «слонами» встали и «черпаки» с «дедами». В роте остались только уборщики, наряд и «дембеля».

Бойцы, голые по пояс, трясясь крупной дрожью от холода и недосыпа, выстроились на улице.

— Кто зарядку проводит? — хрипло спросил, высунув голову из окна канцелярии, ответственный по роте, он же её командир, старший лейтенант Бурькин, среди солдат — Дрель. За что он получил такое прозвище, никто уже не помнит, — вполне возможно, что за настырный характер.

— Я... — а это младший сержант Алексей Комаров по прозвищу Комар. Он уже два раза становился целым сержантом, и оба раза ненадолго: слишком независим и дерзок в суждениях, на взгляд старших офицеров.

— Ну так вперёд, чего ждёшь?

— Рота... Бегом... МАРШ!

Саня Толмачёв проснулся оттого, что солнце светило ему прямо в глаз. Повернулся на другой бок, натянул на голову одеяло. Сон прошёл. Спать больше не хотелось, да и немудрено — последнюю неделю Саня только и делал, что спал, ел и пил. Жизнь растений. Месяц до дембеля. По неписаному закону дембелей не ставили в наряд, не отправляли на работу, они даже не бегали ежедневные кроссы и еженедельные марш-броски. Единственное, что оставалось, — уход за оружием: это святое. Да ещё стажёр, обучение которого Саня начал неделю назад. Стажёр попался шустрый, понимает всё с полпинка. Хоть с этим повезло.

Саня откинул одеяло, сел. Двое других дембелей ещё спали. Максим Кудашов, по прозвищу Камасутра, натянул одеяло на голову, отчего обнажились волосатые ноги. Камасутрой его прозвали, когда проверяющий полковник из штаба дивизии, долго задвигавший про верность Отчизне, славные традиции и недопустимость неуставных взаимоотношений, спросил, проникновенно глядя на Макса: «А что же такое Устав, товарищ солдат?» — на что Макс не моргнув глазом ответил: «Устав — это Камасутра армии, товарищ полковник». Полковник оценил суровый армейский юмор, и Максим, кроме прозвища, получил трое суток «кичи».

Третий дембель — Саня Харлов по прозвищу Харлей, — оказывается, уже проснулся и лежал, потягиваясь.

— Пошли умываться, гражданин Харлей, — позвал Саня.

— Пойдём...

Они сунули ноги в тапочки, взяли «мыльно-рыльные» принадлежности и, всё ещё зевая, побрели в умывальник.

— Задолбало меня всё. Домой хочу, — пробормотал Харлей. — Токарь, поехали домой!

Токарь — это кличка Толмачёва. Получил он её, когда на спор съел три банки сгущёнки с двумя буханками хлеба. Ротный, подошедший к концу второй банки, молча дождал окончания представления, а потом буркнул: «Ну ты токарь, бя, по металлу, по хлебу и по салу...»

— Подгоняй бэтэр, поедем с комфортом.

— Да я уже пешком готов, мне-то недалеко, — говорит Харлей.

Харлей родом из Краснодарского края. А Саня — из Сибири, из-под Новосибирска.

— Да мне тоже буквально рядом — три часа на самолёте.

Харлей оживился:

— Токарь, поехали ко мне! Лето на носу, ё-моё! Загуляем, блин! У нас девчонки знаешь какие! Женим тебя! Что ты забыл в своей деревне?

— А у вас что? Станица! Та же деревня, только называется по-другому.

— Сам ты деревня! Мы же казаки! Женим тебя на казачке, будешь тоже казаком.

Этот разговор повторялся уже неоднократно, с незначительными вариациями.

— Не, Харлей, меня девчонка дома ждёт, ты ж знаешь.

— Да... Это тебе с бабой повезло, дождалась.

— Сплюнь! А то получится как у Ганса.

— Тьфу-тьфу-тьфу...

Ганс — это Серёга Гансович. Его девушка обещала ждать, когда он уходил в армию. Писала по два-три письма в неделю, на которые Ганс в обязательном порядке отвечал. Все завидовали таким чувствам. А кончилось всё тем, что Ганс за два месяца до дембеля получил очередное письмо от своей любимой Танечки, которое начиналось словами «Серёжа, извини, но так получилось...» В этот день Ганс был в карауле. О чём он думал, никто так и не узнал, потому что, отстояв час на посту, Ганс съел себе полчерепа из автомата.

В умывальник залетел дневальный — «слон» Чумаченко по прозвищу Чума:

— Сань, тебя ротный!

Чуму в роте не любят. Многие подозревали, что он стучит, хотя за руку (или, точнее, за язык) никто пока не схватил. А ещё есть подозрение, что Чума «крысит»: уж очень часто у пацанов пропадают лезвия и другая мелочь, когда Чума дневалит.

— Какой Сань? Нас тут двое Саней.

— Ну, Токарь.

— На хрена?

— Не знаю, сказал позвать.

— Ладно, вали...

Токарь отвернулся к зеркалу и начал тщательно намазывать подбородок.

— Сань, он сказал: срочно...

— Я сказал — вали.

— Что ему надо, интересно? — спросил Харлей, озабоченно разглядывая в зеркало прыщик на носу.

— А я стебу? Сейчас схожу, узнаю.

— Разрешите, товарищ старшлейтенант?

— Заходи.

— Вызывали?..

— Наш бэтэр сегодня ночью в Червлёных на фугасе подорвался.

— Бл...

— Вот-вот. Два трупа. В том числе Семёнов.

Семёнов, по прозвищу Сэмэн, был наводчиком БТР в первом взводе. До дембеля ему оставался год.

Саня сразу понял, чем ему грозит этот взрыв. По штату в роте должно было быть десять бэтээров — по три на взвод плюс командирский. На самом же деле в наличии было три. Остальные либо были в ремонте на армавирском заводе, либо стояли без двигателей и колёс в автопарке, дожидаясь своей очереди. Из трёх более-менее исправных один теперь тоже кандидат в Армавир, второй — командирский, а третий... А наводчиком третьего бэтээра и был Саня Толмачёв...

Семёновский БТР выполнял служебно-боевые задачи в составе Временной оперативной группировки сил на Северном Кавказе. Так, наверное, будет написано в сопроводительном письме, прилагаемом кцинковому гробу. А если простым языком, то примерно треть полка в составе тактической группы охраняла границу России (Дагестана, если точнее) с Независимой Ичкерией. Это был тот период, который, может быть, когда-нибудь назовут странной войной. А может быть, и не назовут. Даже скорее всего не назовут. Ведь и в 1995–1996 годах в Чечне была не война, а «восстановление конституционного порядка». Теперь же и восстановления никакого нет, а уж войны и подавно, да вот только «двухсотых» полк отправляет за неделю по домам пять-шесть стабильно.

— Я не поеду, — прокрутив в голове весёленькую перспективу — месяц совершать разведрейды в приграничной полосе — заявил Токарь.

— А куда ты, на хрен, денешься? Партия сказала «надо», комсомол ответил «есть».

— Да не поеду я, товарищ старшлейтенант! Вон сейчас в санчасть схожу, бутылку доктору поставлю, он мне постельный выпишет.

— Дурачок ты, бя... Постельный режим, чтоб ты знал, это всего лишь рекомендация для меня от врача, и я на неё могу забыть с чувством выполненного долга, понял?

— Ну товарищ старшлейтенант! Месяц до дома! Чего херней-то заниматься... — заныл Саня.

— Понимаю и сочувствую. Но помочь ничем не могу. Бэтэр в разведке нужен? Нужен. Кому больше, кроме тебя, ехать? Некому. Так что бери стажёра и готовься. Всё, свободен.

Саня вышел из канцелярии с чувством хорошо обгаженного человека. Вот уж чего он не ждал и не желал, так это ещё одной поездки в «район прикрытия административной границы».

— Ну и что, Токарь? Чего ротный хотел? — это спросил уже проснувшийся и введённый в курс дела Камасутра.

Матерился Саня минут пять без остановки. Когда выдохся, внимательно слушавший Камасутра спросил:

— Вот это и хотел? Неужели правда такой извращенец?!

Харлей захохотал, к нему присоединился и Камасутра. Саня не выдержал и тоже засмеялся.

— Стажёр! СТАЖЁР, БЛЯ!!! Бегом!!!

Стажёр, рядовой Фёдор Палькин, схватив в охапку две коробки со снаряжёнными лентами для КПВТ, неровной трусцой побегал к бэтэру.

— Ты чё, сука, тормозишь, бя?! Щас в лоб стёбну, будешь шевелиться!!!

Токарь, злой как собака и чумазый как ростовский шахтёр, выглядывал из открытого люка. Они со стажёром готовились к предстоящей поездке, а это значит, что им надо было почистить пулемёты, дотащить их от КХО — комнаты для хранения оружия — до бэтэра, установить их (что в случае с КПВТ тоже невесело), перетащить из КХО в бэтээр боекомплект (восемь коробок для КПВТ и десять коробок для ПКТ), разместить их в ниши... И всё это до обеда, потому что уже в три часа колонна уходит.

В моторном отсеке ковырялся Белый — Серёга Шлыков. Белым его прозвали за цвет волос. Белый — водила, служить ему ещё полгода. Кроме Белого, Токаря и стажёра на границу едут ещё разведчик-снайпер Коля Воробьёв по кличке Воробей, разведчик-пулемётчик Саня Абулазаров по кличке Балаган, разведчики Иван Чупрыгин по кличке Лапоть и Иван Балутенко по кличке Рекс. А командиром «экипажа машины боевой» едет старшина роты старший прапорщик Самороков по прозвищу Старый, не к ночи будь помянут.

За голову Старого чехи давали большие деньги. Крови он им попил немало. Служил он поначалу в разведбате сто первой. Когда бригада стояла

в Грозном, он уходил из городка дня на три, на четыре. Возвращался с гирляндой ушей, причём резал только левые, чтобы никому даже в голову не пришло, что он у одного чеха два уха берёт. Ствол у него был — ВСС-ка, она же «комплекс „Винторез“», тогда ещё редкая вещь. За сто метров выстрела уже не слышно в принципе, а прицельная дальность — пятьсот.

Погрузились, получили сухпай, пообедали... «По машинам!» Поехали. Саня уже успокоился, и стажёр, с утра летавший как сраный веник, наконец-то вздохнул спокойно.

Когда приехали в группу, уже стемнело. Зашли в ротную палатку. Пацаны сидели и молча пили водку. Кто-то налил по стакану и вновь прибывшим. «Вон там тушняк...» Выпили. Помолчали.

— Ладно, отбой, рота... — негромко сказал взводный, лейтенант Спрыжков.

Никто не спорил, все дружно встали. Кто-то пошёл умыться, молодые принялись убирать остатки «ужина». Легли, потушили свет. Отбой.

Это был обычный разведпоиск, каких за месяц случалось немало. Инженерная разведка на дороге от Червлёных Бурунов к Терекли-Мектебу проводилась раз в сутки. Казалось, этого достаточно, но практически на том же месте, что и в прошлый раз, бронетранспортёр наскочил на фугас.

Уже ехали в городок, шутили, зубоскалили. Ба-бах! Удар в днище, грохот, звон! Отсек десанта мгновенно наполнился чёрным вонючим дымом, режущим глаза. Горох по броне! Звон! Крик взводного: «Слева!» Саня, кашляя, крепко зажмурил левый глаз, правым плотно прижался к окуляру. Руки сами делали то что надо — правая разворачивает башню, левая опускает ствол. Большой палец на электроспуск. Звон по броне! Треск снизу — это выскокившие пацаны легли под колёса, открыли ответный огонь.

— Бля, не вижу ни хрена!!! — Саня был близок к панике. — Товарищ лейтенант! Где они?! Ни хрена не вижу!

В ответ ни звука. Хлопок, и Саня оглох. Ему показалось, что башню сорвало с корпуса, было такое впечатление, что его чем-то ударило по голове. Инстинктивно он вдавил палец в кнопку электроспуска, почувствовал, как заработал КПВТ, но не услышал выстрелов. Тишина, только еле различимый звон в ушах. Увидел! Огоньки! Из кошары! Пламя из стволов! Пулемёт туда! На, сука!!! Н-А-А-А!!!! Очередь четырнадцати с половиной миллиметровых пуль снесла половину крыши и без того еле стоявшей заброшенной кошары, — облако дыма, пыли. Побежали, крысы! Сука, зелёнка рядом, уйдут! На, пидор, на! Получи своё!!! Бежишь?! На тебе в спину!!!

Саня своими глазами увидел то, что раньше только слышал от других. Что бывает с человеком, когда в него попадает капэвтэшная пуля маркировки МДЗ — «мгновенного действия зажигательная»: руки, ноги в разные стороны, кровь, клочья мяса. На, падла! Нравится?! На ещё!!!

КПВТ захлебнулся — кончилась коробка. Ушли, нырнули в зелёнку, ушли...

Как ни странно, убитых среди наших не было, только оглушило Саню, разбита голова у взводного, да Тимохе — Серёге Тимохину — прострелили плечо. Уцелела даже рация, хотя бэтээр можно было сдавать на металлолом.

Вызвали подкрепление, перевязались. Подлетела манёвренная группа — два бэтээра. В городок. У Сани в ушах нарастал звон, из него стали вычлениваться невнятные звуки. Заболела голова.

— Всё, бя... — думал Саня, — всё! Два дня до дембеля! Завтра в полк, послезавтра домой! Никакой санчасти, дома отлежусь. Домой!

Кроме Сани на дембель уезжали ещё трое. Да ещё старшина из РМО зачем-то в полк поехал. Поехали на сто тридцать первом, машину вёл контрактник, Трофим Иванович. Интересный мужик — не пил, не курил, даже не матерился, водитель первого класса. Достоевским зачитывался. Выспался перед выездом. На вопрос о том, почему он вошёл в поворот, не снижая скорости, он потом только пожимал плечами, глядя растерянно. Машина перевернулась, Саню придавило бортом...

Это был последний «двухсотый» в полку за этот апрель.

КАК НЕ СБЫВАЮТСЯ МЕЧТЫ

Огонь! Дым режет глаза. Бэтээр горит. Я горю! Рвутся коробки с патронами. Вылезти, немедленно выпрыгнуть! Не могу! Ноги! Ноги зажало! Горю!!! Больно!!! Не хочу!!! Харлей! Харлей, сука!!! Вытащи меня!!! Не могу больше!!! Не могу!!!

— Денис! Денис!

Я сажусь рывком на кровати. Дома. Простыня мокрая, я тоже мокрый. Вспотел, блин.

— Ты мне опять спать не даёшь. Ты опять кричишь во сне.

Это мой брат. У нас с ним одна комната на двоих. С тех пор, как я уволился в запас, спокойный сон у него кончился. Если, конечно, не считать случаев, когда я не ночую дома. Впрочем, таких случаев немало.

— Извини, Серёга.

Да ладно...

Иду в ванную, сую голову под струю воды. Спать уже совсем не хочется. Моя бы воля, так я бы вообще не спал. Мама спрашивает, почему я так много пью. Ха! Да потому что когда я сваливаюсь пьяный, я не вижу снов. Вот почему.

На кухне прохладно, там всегда открыта форточка. Встаю у окна, закуриваю. Смотрю в ночь...

— Удачи, Балу!

— Удачи, Ден!

— Чтобы всё было хорошо!

Балу — это меня так звали в роте. Сначала прозвище было «Баламут», потом оно сократилось до «Балу». Меня уважали в роте. За что? Может быть, за то, что я старался быть... ну, справедливым, наверное... быть надёжным... быть... Не всегда получалось, но я, по крайней мере, старался. Быть человеком. Не волкодавом. Многие у нас в бригаде стали волкодавами — злыми псами, которым всё равно кого рвать — волка ли, чужого чело-

века, своего щенка. Волкодавов тоже уважали. Через страх. Я видел, как менялись лица у молодых, когда они слышали голос Мамай. Хотя на самом деле Мамай — вовсе не плохой парень. Он просто отморозок. У него три контузии, лёгкие, правда, но три. Заводится он с полпинка, как хороший мотоцикл. Но всё равно: хоть дедовщина у нас в роте и была, но не такой беспредел, какой я застал, когда приехал в бригаду. Отслужил я к этому времени месяца четыре. И приехал. Летал как сраный веник. Вообще у нас в роте мало волкодавов, в основном они в гэсне — группе специального назначения. У них и командир — волкодав.

Провожали меня... Весело меня провожали. Смутно помню, как открыли ворота, постелили под ноги чистое полотенце. Ноги вытереть. Дурацкая традиция, честно говоря. Толпой довели до автостанции, посадили на автобус. Помню, что отлить выходил в Будённовске. В Пятигорске был уже почти трезвый. Башка трещала, так я пошёл в буфет, ещё водки хлопнул. А ехал я не сразу домой, ехал к родне в Черкесск. А когда домой собрался, шахтёры в Ростове на рельсы сели. Касками застучали. Я и прикинул, что если поеду на поезде, то домой приеду месяца через три, не раньше. А я хотел на поезде ехать. Не знаю почему, но хотел. Ну а тут пошёл и купил билет на самолёт. С серебристым крылом.

В аэропорту в Минводах вышел покурить на крыльцо. Капитан какой-то: «Привет, разведка».

— Привет, — говорю.

— Домой едешь?

Разговорились. Военный комендант аэропорта оказался.

— По соточке? — это он мне.

— Ну а чего ж?

До самолёта мне оставалось часа четыре. В общем, меня потом в самолёт грузили, как ценный груз. Проспал всю дорогу. Вышел из самолёта, пошёл пешком до терминала. Выхожу из терминала, иду к автобусной остановке. Окликают. Отец с братом. Ё-моё! Брат за два года так повзрослел... Я даже не узнал его с первого взгляда.

Приехали домой. Домой! Туда, куда так рвались мы все, туда, где все наши мечты были. Домой, домой! «Взвоят ветер за бараками, БМП нам лягнет траками. Домой, пора домой!» Козырная песня была. Домой...

Бродил по квартире как неприкаянный. Вспоминал, как я жил два года назад. В прошлой жизни.

— Не спится?

Это мама. Почувствовала запах табачного дыма. Забыл закрыть дверь в кухню.

— Да, мам, не спится.

— Опять что-то снилось?

— Нет, мам, всё нормально. Просто не спится. Всё хорошо, мам. Иди, спи.

— В армии служил?

— Да. Вот военник.

— Это хорошо. Нам нужны отслужившие. А где служил?

Пришёл я устраиваться на работу. В частное охранное предприятие. Охранником. По объявлению. Первый месяц я пил. Не просыхал. Потом кончились деньги. Брать деньги у родителей мне было неудобно и стыдно, но всё равно брал. Не на водку — на сигареты и разные мелочи. За этот месяц мне раза четыре звонили из разных милицейских контор — ППС, вневедомственной охраны. Отвечал я им всем одинаково — извините, два года я отдал МВД, с меня хватит, поищу что-нибудь другое.

— Во внутренних войсках.

— А конкретно?

Восстанавливаться в институте я не хотел, мама уговорила. Студент из меня, если оценивать объективно, никакой. Но уговорила. Пришёл, восстановился. Бухгалтер, етитна мать. Уходил со второго курса экономического факультета, восстановился на четвёртый курс бухучета. Не завидую я той фирме, что меня бухгалтером возьмёт.

— А конкретно — в разведроте.

— А-а-а... Разведка? Спецподготовка там, рукопашный?

— Ага. Спецподготовка и рукопашный.

— А это что? «Выполнял служебно-боевые задачи в составе...»? Воевал, что ли?

— Было дело.

— Извини, такие нам не нужны.

У меня отвисла челюсть.

— Почему?!

— А вы все оттуда больные на голову возвращаетесь, а у нас оружие боевое выдают. Мало ли чего ты учудишь, дай тебе настоящий пистолет.

Я молча смотрел на него, на этого чмыря в очёчках. Он засуетился, видимо, почувствовал себя неудобно. Решил, наверное, что сейчас на себе испытает неадекватность поведения «вернувшихся оттуда». Я расхохотался. Вспомнил, что я учудил (учудял? учуждал?) со своими пулемётами. Да, действительно, дай мне НАСТОЯЩИЙ пистолет... Пулемёты-то игрушечные были. Да и автомат, с которым спал и в сортир бегал, — тоже фальшивый. Настоящий пистолет, бог ты мой! Я согнулся пополам, от смеха слёзы катились по щекам. Чмырь, видно, подумал, что у меня началась истерика. Только бы он не начал меня по щекам хлопать, подумал я. От этой мысли меня согнуло ещё больше. Упал на стул, с трудом успокоился. Вынул носовой платок, вытер глаза. Этот засранец протянул мне стакан с водой. На, мол, выпей, легче станет. Я встал, поблагодарил за интересную и содержательную беседу, взял у него из рук стакан, вылил ему на аккуратно причёсанную голову, забрал документы и вышел.

— Домой хочу! Знаешь, Балу, как дома классно? Знаешь, как меня ждут?

— Знаю, Харлей, знаю. Меня тоже ждут.

Враньё. Никто меня не ждал. Кроме родни. Гражданка, на которую рвался два года, о которой думал и мечтал, оказалась поносным местом. У тебя нет денег? Ты слабак. Ты был в армии? Ты не смог отмазаться — ты

дурак. Ты был на войне? Да ещё и рапорт туда сам написал? Ты полный debil.

Остались ещё друзья. Которые тоже ждали тебя. Как выяснилось — напрасно. Мы больше не понимаем друг друга.

— А расскажи, как там, на войне?

— А расскажи, страшно было?

— А расскажи, ты убивал?

— А расскажи, как это?..

— А расскажи?..

Я рассказывал. Когда пил. В полуневменяемом состоянии. После того, как на одной из пьянок рассказал о том, почему часового лучше душить, а не резать горло, девушка, которая мне нравилась, перестала со мной общаться. Просто бросала трубку и не открывала дверь. Видимо, не понравились физиологические подробности.

Однажды пили в общаге на краю города. Не помню как, но оказались мы в гостях у соседей. А соседи оказались чеченцами. Я сидел голый по пояс, молча пил водку, подливая себе сам. Когда один из чехов налил мне в стакан вина, я выбросил стакан в окно. Не помню, почему я не ушёл, просто не помню. Наверное, потому, что там сидели мои друзья. Ну, я так думаю. Сидел и терпел. Когда чех сказал мне, показывая пальцем на мой опознавательный медальон — «смертный жетон»: «В следующий раз, когда придёшь, сними его у дверей», — я не выдержал. Меня оттащили. Хорошо, что меня оттащили. Иначе я его завалил бы. И сел бы. Из-за чеха.

Включил чайник, закурил очередную сигарету. Спихватился, закрыл дверь кухни.

Когда приехал в Черкесск, пошёл гулять по городу. Я ездил туда каждое лето — года этак до девяносто четвёртого. Тихий, зелёный городок. Есть в нём своя прелесть. Идёшь по улице — растут абрикосы, алыча, тутовник. Залезай на дерево — и лопай.

Стоял на остановке, ждал троллейбус. Хлоп-хлоп! Выхлоп дизеля грузовика. Рефлексы сработали как у собаки Павлова. Очнулся в кустах, нашаривая автомат. Секунд десять нашаривал. Потом осознал, как я глупо выгляжу. Смотрю — все, кто был на остановке, человек тридцать, на меня уставились. Ну, я представляю, как это выглядело со стороны: стоит парень — как припадочный прыгает в кусты и выглядывает оттуда. Я встал, штаны отряхнул, сделал морду лица поиндифферентнее — мол, так задумано было. В троллейбус уже не полез, пешком пошёл. Уши, наверное, аж светились у меня.

Уже дома гулял с девушкой по парку. С той самой, которая, как оказалось, не любит снимать часовых. Она так и не поняла, почему я встал как вкопанный, сказал ей: «Стой!» — постоял несколько секунд, рассмеялся и пошёл дальше. Я не стал ей объяснять, что валявшуюся на земле ржавую табличку с кусками торчащей оттуда проволоки принял за растяжку...

Зато меня любят собаки. И я их люблю. «Чем больше узнаю людей, тем больше нравятся собаки». Я не люблю людей. Совсем. В общей их массе.

За очень редкими исключениями. Я не могу любить людей, которые говорят мне: «Ты не смог отмазаться от армии? Значит, ты бедный. А если ты бедный — значит, ты глупый». Я не могу любить людей, которые говорят мне: «Ты ещё молодой и сопливый, вот поживи с моё...» Я не могу любить людей, которые каждый день обедают в дорогих ресторанах. Пускай это всего лишь зависть с моей стороны, пускай мне говорят, что можно честно заработать такие деньги. Всё равно я не могу любить таких людей. Я не могу любить людей, которые могут ударить собаку. Я не могу любить людей с пустыми глазами.

Я не умру молодым, я знаю это. Потому что мне уже поздно умирать молодым. Я уже не молод. «Нам по двадцать семь лет, и всё, что было, не смыть ни водкой, ни мылом с наших душ...». Мне ещё даже не двадцать семь. Я даже не вклеил ещё вторую фотографию в паспорт. Но я уже не молод. Я никому не говорю этого, потому что люди будут смеяться. Я не люблю этих людей. А ещё я не люблю людей, которые меня жалеют. А ещё я не люблю себя.

Только не надо меня жалеть. Оставьте себе шанс.

СЛОВАРЬ СПЕЦИАЛЬНЫХ СЛОВ

БМП — боевая машина пехоты.

ВСС («Винторез») — бесшумный снайперский комплекс. Под комплексом понимается сочетание «оружие — патрон»: винтовка снайперская специальная «Винторез» (ВСС) и специальный патрон СП-5 (калибр 9х39, снайперский).

КПВТ — крупнокалиберный пулемёт Владимирова танковый.

ПКТ — пулемёт Калашникова танковый.

ППС — патрульно-постовая служба.

РМО — рота материального обеспечения.

«Брат, когда выйдет следующий номер?»

К тому, зачем альманах Русский Мирь печатает известные электронные тексты

Как-то я прочла обращённое к создателю и редактору альманаха «Искусство войны» Илье Плеханову примерно такое выражение одного «признанного» писателя: вас пустили посидеть на углу стола высокой литературы, так и будьте счастливы. В этом вся правда отношения к современной военной прозе, творчеству ветеранов локальных войн, прозревших «правду обмана», каковым на самом деле являются такие войны. Не были они другими и в XIX веке, когда описывал кавказские стычки участник событий, великий писатель Лев Николаевич Толстой. В его «Казаках» и других рассказах эпически широко и спокойно создавалось полотно жизни и смерти на стыке войны и мира, будто вершилось нечто обыденное. Высокое и неповторимое виделось писателю лишь в великой простоте принятия смерти русским солдатом. Но уже вставала огромная тема войны и мира — тема как будущего романа, так и размышления над этими вечными проблемами яснополянского провидца. Лишь Толстой да небольшая часть общества вместе с ним понимали суть происходящего. Но почти весь читающий русский мир, общественные институты,

а также Церковь, включился в обсуждение Анны Карениной, оставив далеко позади кровоточащую кавказскую тему. Она прошла через века и вновь предстала в страшном облики.

И лишь одно не ново: отношение общества к военной теме. Что в XIX, что в XX, что в XXI веке, общество почти едино в своём нежелании знать суть ведущейся войны. Но если Родина непрерывно воюет, то рядом с мирными гражданами появляется всё больше и больше тех, кто только что вернулся из другой реальности — т. е. с войны. Они стараются попасть в наш ритм, быть как мы, но нам не до них. Хорошо, если они возвращаются целыми, на своих ногах, — а если без рук, без ног, сломленные, да ещё и при полном общественном равнодушии? Зачастую их удел — заключить себя в башню одиночества, чтобы не было невыносимым дальнейшее существование.

И вот неожиданно средством реабилитации для ветеранов последних локальных войн становится самиздат в интернете. Каким был в своё время машинописный самиздат новой, непризнаваемой литературы в 60-е годы XX века. Ветеранские тексты взросли и поднимались от уровня окопной правды и простых воспоминаний до настоящей литературы. Литературный мир, переживающий с конца XX века по наши дни немало потрясений и так и не определившийся до конца в своих ценностных приоритетах, ориентирован пока на известные вещи: личный успех, потребности общества, торжество отвлечённых смыслов. Где во всём этом место окопной правды? Тем более что эта правда — зачастую шок для «мирного» общества.

Илья, «заболев» темой военлита, начал издавать альманах «Искусство войны» в 2006 году. За первые два года было выпущено 11 номеров альманаха, на его страницах появились произведения 150 авторов-ветеранов, издание получило премию «Золотое перо Руси». А в декабре 2010 года вышел 18-й, последний номер — и на этом жизнь альманаха с бумажного носителя полностью перешла на электронный. Не потому, что так удобнее — потребность в бумажном варианте и сейчас очень велика, — но нет более сил двум-трём энтузиастам на свои средства выпускать журнал государственного значения. Вклад Ильи Плеханова и его товарищей в историю оказался Родиной не замечен. Вклад в дело реабилитации ветеранов локальных войн — тоже. Конечно, остались интернет-сайты, которые становятся всё более известными. Этот современный «самиздат» — в Сети — несомненный дар военной литературе; но велика Россия — и в адрес бывшего редактора идут многочисленные письма из тех мест, где нет и ещё долго не будет Интернета, а бумажная книга по-прежнему в чести у читателя и предмет признания для автора. Только не спешит «высокая» литература с признанием военлита.

И альманаха больше нет. Когда Илья Плеханов спускается в московское метро и видит поющих под гитару ветеранов, собирающих деньги на лечение друга, он не знает, что ответить на простой вопрос: «Брат, когда выйдет следующий номер?» Разве только когда не надо будет больше петь в метро за деньги на лекарства, когда будет соблюдаться простое правило: солдат, послуживший стране, должен получить от неё любовь, уважение и внимание не в виде красивых слов по случаю праздника, а во всякий день жизни, которую резко изменила война.

Публикация рассказов трёх авторов в альманахе «Русский Миръ» — это выражение нашей признательности ветеранам «горячих точек» и поддержка их творчества.

*Ольга Никитина,
ведущая рубрики «Повествовательная проза»*